

АКВАРИУМ

Выставка Федора Морозова Живопись, графика

Вода — это самое мягкое и самое слабое существо в мире, но в преодолении твердого и крепкого она непобедима, и на свете нет ей равного.

Лао-цзы

Всю полутора тысячелетнюю историю искусства можно свести к развитию двух основных направлений. Одна линия — стремление от реальности к идеальной достоверности. Это линия античной эстетики, здесь изучение, наблюдение природы — необходимое условие для достижения творческих вершин мастерства.

Другая линия — вся намек и недосказанность, воплощение вечности как мига, пространства как беспредельной пустоты — это линия древнекитайской, даосской эстетики. Самоуглубления, сосредоточения, мудрости, позволяющей познавать мир «не выглядывая из окна», не действуя, творить — вот чего требует она от художника.

И любой художник — большой или маленький, профессионал или любитель, начиная работу, ставит задачу как можно лучше передать, в первом случае, мир земной, зримый; во втором — иной (горный, неосязаемый, божественный).

Возможно, главная коллизия искусства XX века состоит в том, что творцы Запада и Востока пытались изучить, постичь, примерить и примирить, обогатить оба эти направления взаимопроникновением их в творчестве конкретного автора.

В полной мере это относится и к приморским художникам, к Федору Морозову — не в последнюю очередь.

Поиск Знания — ключевое понятие для определения творческого пути Ф. Морозова. С момента окончания Владивостокского художественного училища в 1972 г., где курс истории современного зарубежного искусства заканчивался «Гюставом Курбе», Федор Михайлович ищет и находит источники информации о стилях, тенденциях современной европейской живописи, изучает их и, если так можно выразиться, препарировывает, пробует для себя, ничего, однако, не копируя.

Отрывочные, скудные, случайно полученные (из разговоров, репродукций, ругательных статей «про модернизм») сведения реализуются Федором в творческой практике, хотя, как он сам признается, в результате получилась «помесь импрессионизма, неоимпрессионизма и примитивизма с желанием придать всему этому некоторый динамизм». Но, тем не менее, написанная в духе экспрессионизма большая картина «Пограничникам Хасана», уничтоженная Морозовым до начала зональной выставки 1980 г, для которой она предназначалась, по причине полного не понимания его как художника не только со стороны зрителя, но и коллег, содержала какие-то очень важные моменты, потому что и сейчас он помнит и ценит ее.

Особенность личности художника Морозова состоит в том, что он, примеряя к себе различные стили и методы, глубоко интересуется не столько характерными для них техническими приемами, сколько их (методов) мировоззренческой основой, как сказать, гносеологическими корнями.

Так, увлечение Сезанном и Матисом приводит его к открытию и приятию древнекитайской философии и через нее феномена живописи старого Китая.

Основную часть экспонируемых и давших название выставке произведений составляют те, что созданы Морозовым в результате этого открытия. Поэтому возникает необходимость коснуться основных категории и понятий классической китайской философии (в частности, даосизма). Без них невозможно понять законы

(им самим для себя признанные), по которым следует судить о живописи Федора Морозова.

Итак, дао путь одно из самых общих и распространенных понятий китайской классической философии. Одна из форм выражения дао дракон, при чем воплощением дао были не только изображения головы, тела, хвоста дракона, но и белые, нетронутые части свитка. Так называемый «белый дракон» — белое полотно без какого-либо рисунка — почитался высшей формой воплощения образа дракона, образа дао. «Белый дракон» — нетронутая белизна листа — предел абстракции и предел фантазии, она идеальна. И если художник решился нарушить ее своим прикосновением, то обязан создать новую гармонию, одну из бесчисленно возможных, уже заложенных в «белом драконе».

Воплощение гармонии невозможно без ци — ритмического движения энергии, неизменного атрибута духа (дао); он раскрыт в ритме смены времен года, дня и ночи. Это движение происходит через борьбу противоположных сил: мужской ян и женской инь. Взаимодействие этих сил порождает первоэлементы, из которых образованы все вещи реального мира.

Учитывая вышесказанное, обратимся к листам и полотнам серии «Аквариум». По европейским меркам они — практически чистая абстракция (хотя тут и там «выплывают» отдельные фигуры: рыба, птица, например). Согласно китайской, восточной традиции даже простая линия представляет собой условное обозначение на плоскости элементов объективной реальности. И уж если на нетронутой поверхности появилось пятно краски, значит, гармонию нарушила одна из основных сил ян или инь, художник обязан уравновесить ее; проявились обе противоположности — возникло движение, пульсация — ци, и так далее. Морозов признается, что иногда, работая над такими вещами, заходит в тупик, не знает, какой сделать следующий ход. Откладывает лист на некоторое время, а когда возвращается к нему, вдруг находит совершенно неожиданное решение. Живописная серия «Аквариум» имеет свои особенности. Вода — еще один излюбленный символ дао, та субстанция, которая заполняет созданное художником неглубокое пространство. Отсюда ассоциация с аквариумом, а в ее развитие: неровное преломление света, легкая муть, поднимающаяся со дна. В создаваемой таким образом субстанции могут существовать предметы реального мира, иногда поддерживая ее гармонию, иногда — нарушая.

Совсем отказаться от фигуративной живописи Федор Михайлович не может. Более того, интеллектуальное напряжение при создании абстрактных субстанций укрепляет его художественное мастерство, дает уверенность в своих силах и правильности выбранного пути.

Из послевоенных европейских течений Ф. Морозова привлекает французский мизерабелизм (от франц. *miserable* — бедный, отверженный, обездоленный). Название течения отражает драматическую экспрессию, живописный аскетизм творчества его представителей: Бернара Бюффе, Жана Карзу, Альберто Джакометти. Однако для Федора Морозова важно другое, а именно: их стремление «расщепить» пространство, войти в иной мир, создавая его посредством линии и цвета. Врубаясь в плоскость холста, линия мизерабелистов превращает ее (плоскость) в пространство, создает необходимую глубину.

В картинах Федора Морозова, перекликающихся с мизерабелизмом, таких как «Красная комната». «Портрет А. Городнего», «Женечка» — остроугольная, тяготеющая к вертикали линия, тот же способ и приемы построения пространства. Но живописный аскетизм мизерабелистов не для него: Федор Михайлович великолепный колорист, тонко чувствующий, купающийся в роскоши цвета, ему тесно в рамках живописной аскезы французских мастеров.

В своих фигуративных композициях последнего времени Ф. Морозов предстает настоящим мастером. Он свободно берет и использует знания, опыт и умение,

приобретенные за долгие годы ученичества, можно сказать, послушничества в искусстве.

Во «Сне Ирода», «Пути к храму», «Перекрестке», «Агрессоре с юга», «Портрете Марины» зритель узнает какие-то реально существующие Владивостокские ландшафты, архитектурные сооружения, корабли, а рядом, но в другом пространстве — символические или аллегорические фигуры, большие и маленькие цветочные плоскости и пятна, причудливо складывающиеся в некое многозначное, загадочное действо.

Бывает, что Федор Морозов, вероятно, чтобы избавиться от назойливо преследующего его образа, созданного другим художником, переносит его в свою композицию, обязательно упомянув автора в названии: «Город Дельво», «Большая Приморская обнаженная (аллюзия с Матиссом)», «Наследники Ласко» — с фрагментом знаменитого наскального рисунка, колесом мизерабилистов, фигурой из дворца Фонтенбло, автопортретом и портретом жены.

«Беги вульгарности!» — наставляли древние китайцы.

Творческие поиски Федора Морозова в полной мере согласуются с постулатом: «Когда хочешь уйти от вульгарности, тогда нет другого пути, кроме прилежного изучения... Дух учености, начитанности воспарит, рыночный, вульгарный — исчезнет».

Наталья Левданская